

ИСАЕВ Алексей Владимирович, кандидат политических наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин и социального обеспечения, Среднерусский институт управления – филиал РАНХиГС (Россия, Орёл), e-mail: isaevLesha@yandex.ru, AuthorID: 716259

МАТВИЕНКО Валентина Анатольевна, кандидат политических наук, старший научный сотрудник, доцент, Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина (Россия, Елец), e-mail: vamatv@mail.ru, AuthorID: 716259

ISAEV A.V., Candidate of Political Science, Docent, Associate Professor at the Department of Civil Law disciplines and Social Security, Central Russian Institute of Management – branch of RANEPА (Russian Federation, Orel), e-mail: isaevLesha@yandex.ru, AuthorID: 716259

MATVIENKO V.A., Candidate of Political sciences, Associate Professor, Bunin Yelets State University (Russian Federation, Yelets), e-mail: vamatv@mail.ru, AuthorID: 716259

**СОЦИАЛЬНО ОРИЕНТИРОВАННОЕ ПАРТНЁРСТВО ГОСУДАРСТВА И РЕЛИГИЙ
В РЕТРОСПЕКТИВЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ «НОВОЙ» РОССИИ**

**SOCIALLY-ORIENTED PARTNERSHIP OF THE STATE AND RELIGIONS IN THE
RETROSPECTIVE OF THE TRANSFORMATIONS OF THE «NEW» RUSSIA**

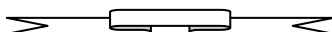
Аннотация. Цель статьи состоит в исследовании отдельных вопросов социально-ориентированного партнерства российского государства и религиозных конфессий во второй половине XX – начале XXI века. Методологической основой исследования является единство содержательной составляющей ряда взаимосвязанных понятий: «социальная политика», «социальное служение», «социально-политическое партнерство», «социально-ориентированное партнерство». Именно их непосредственный синергизм в теории создаёт необходимые условия для эффективного сотрудничества на практике всех вовлеченных в него сторон (органы государственной власти и местного самоуправления, бизнес, религиозные конфессии и т. п.). Авторы приходят к выводу, что социально-ориентированное партнерство позволило не только более адресно оказывать психологическую, материальную помощь обездоленным людям, но и совмещать эту деятельность с духовной помощью, к примеру, в моральной поддержке военнослужащих, или в воспитании подрастающего поколения и т. п.

Ключевые слова: социально ориентированное партнёрство, религиозные конфессии, Российское государство, социальная политика, религиозные организации, социальная помощь, православное молодёжное движение. населения.

Abstract. The purpose of the article is to study certain issues of socially-oriented partnership between the Russian state and religions in the second half of the 20th – early 21st century. The methodological basis of the study is the unity of the substantive component of a number of interrelated concepts: «social policy», «social service», «socio-political partnership», «socially-oriented partnership». The authors emphasize that their direct synergy creates the necessary conditions for effective cooperation of all the parties involved such as public authorities and local self-government, business, religious denominations, etc.

The authors conclude that a socially-oriented partnership made it possible not only to provide more targeted psychological and material assistance to disadvantaged people, but also to combine this activity with spiritual assistance in moral support for military personnel, or in educating the younger generation, etc.

Keywords: socially-oriented partnership, religions, Russian state, social policy, religious organizations, social power, orthodox youth movement.

ВВЕДЕНИЕ

Практически каждое (из существующих на данный момент времени) государство в процессе своего зарождения и дальнейшей эволюции переживало различные по своей направленности и интенсивности изменения. В большинстве своем они прямо или косвенно затрагивали вопросы, связанные с различными аспектами преобразований (политических, экономических, культурных и т. п.) государственной сферы, и вне зависимости от характера и вовлеченности в них различных слоев населения оказывали свое разноплановое воздействие на общество в целом и государственную социальную политику в частности. В этих процессах активное участие принимала религия как деятельный социальный институт, оказывая значительное воздействие как на частную жизнь отдельных людей, так и на различные сферы государственной жизни.

Длительное время религия существовала в состоянии интеграции с изменяющимися обществами и государствами, очень тесно сближаясь в числе прочего с их политической подсистемой. К примеру, христианство, изначально рецепированное древнерусской государственностью, было очень тесно связано с ее политическими институтами, априори влияя на функционирование политической системы, имеющих в ней коммуникаций и норм.

Ретроспективный анализ показывает, что зарубежные мыслители и религиозные деятели придерживались зачастую диаметрально противоположных точек зрения по обозначенному кругу вопросов. Так, блаженный Феофилакт Болгарский, рассматривая эволюционный потенциал православного христианства, отмечал его значительные интеграционные возможности, проистекающие из личной ответственности, соборности и, самое главное, общей веры. Практически все христианские церкви признают

также прогресс духовный, необходимость принесения божественной составляющей в различную человеческую деятельность (преобразование природы, творчество и человеческий труд). Хотя, к примеру, революция как способ изменения социальной действительности не признается христианством в качестве механизма развития общества. Согласно взглядам идеологов православия, к примеру митрополита Иоанна (Снычева), революция «...не может служить преобразованиям... словом, скорее способствует уничтожению общества» [9, С. 297].

Ислам, несмотря на сложившиеся стереотипы, нельзя считать бескомпромиссной религиозной системой. Он не отторгает материальные и научные успехи и достижения западного мира, а сами исламские страны включены в международные политические, культурные, экономические взаимодействия. Исламские богословы смогли разработать и вполне успешно воплотить на практике работающую систему, содействующую мусульманам в адаптации к иноконфессиональной среде, а также к изменениям, происходящим в ней.

В отличие от религиозных интерпретаций обозначенного круга вопросов, отдельные представители западноевропейских кругов, находившиеся под влиянием идеологии эпохи Просвещения, считали религию фактором, отрицательно влияющим на общественный прогресс, в частности, помогающим господствующим классам сохранять существующий порядок вещей, затрудняющим революционные преобразования посредством классовой борьбы (К. Маркс) и т. п.

В прошлом положительные оценки роли религии как одного из акциональных факторов политической жизни общества имели различные истоки, смыслы и определяли ее, к примеру, как: детерминанту интеграции общества и

дальнейшего общественного развития (Э. Дюркгейм); стимул общественного развития, влияющего на формирование идеалов (М. Вебер); социальный институт, способствующий процессу социальной дифференциации или социального развития (Т. Парсонс); заслон для американского народа, мешающий делать ему всё, что заблагорассудится (А. де Токвиль); средство навязывания национального единства и подавления личности отдельно взятого человека (К. Шмитт); институт, необходимый для существования общества (наиболее заметные события в сфере интересов друг друга. Отчасти именно имеющиеся между этими двумя социальными институтами тесные функциональные связи и взаимоотношения, ориентированные на обеспечение коммуникации, интеграцию общества, социализацию личности, разработку проектов социального развития (в том числе социально-политических утопий), созидательную деятельность, рационализацию конфликтов, распределение и перераспределение материальных благ, отражают их взаимообусловленность как регулятивных подсистем общества, располагающих собственными ресурсами стабилизации социальных порядков и ослабления политической напряженности.

На протяжении всей истории существования человечества постоянно возникали различные религии, в том числе близкие по типу к народным религиям и тесно связанные с национально-государственными структурами. Эти разновидности мировых религий (буддизм, христианство, ислам) осуществляли функции целеполагания и социальной поддержки каждого конкретного общества, особенно в переломные для него периоды. Ф. Хайек, и многие другие.

Религия и политика (всё, что она в себя включает), сформировавшись как социальные институты и одновременно являясь идиосинкратическими формами человеческой деятель-

ности, на протяжении длительного времени находились во множественном взаимодействии, молниеносно реагируя.

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Опыт далекого прошлого многократно свидетельствует, что Российская Федерация, как и большинство современных государств, в процессе своего возникновения и дальнейшего развития переживала критичные условия для существовавшего тогда политического устройства и, как правило, осложнявшегося системным кризисом большинства сфер жизнедеятельности.

Одним из таких поворотных моментов в мировой истории стала вторая половина XX века, ознаменованная радикальными социальными и политическими изменениями, сначала сопровождавшимися крахом колониальных империй, а затем и социалистического строя (1989–1991 гг.), с возникновением новых национальных государств, нацеленных на формирование демократической политической системы и рыночной экономики по западному образцу. Хотя ряд стран Африки, Азии (Индия, Китай, Южная Корея) уже в тот момент времени отказались от этого и предприняли весьма успешную попытку собственного пути развития. Политическое переустройство новых государств, возникших на территории бывшего СССР, изначально не предусматривало устройства демократических режимов по европейскому или американскому образцу. К тому же в отдельных случаях безуспешные попытки модернизации некоторых новых государств, появившихся на территории бывшего СССР, повлекли за собой системный кризис – культуры, духовной жизни, экономической сферы, национальной идентичности и политических институтов, который в дальнейшем распространился на всё постсоветское

пространство.

Кроме того, в государствах исламского мира активизировались политические силы, занявшие враждебную позицию по отношению к политическим преобразованиям подобного толка, продемонстрировав факт того, что «религия не утратила своих позиций в общественной жизни мусульманских стран» [2, С. 170–178], а, наоборот, как бы «возродилась» в политике ряда (в том числе вновь возникших) государств [2, С. 170–178]. И все эти глобальные реорганизации сопровождались ростом социальной напряженности и необходимостью пересмотра сущностных основ государственной социальной политики в соответствии с современными этой ситуации реалиями.

Тема социально ориентированного партнерства государства и традиционных религиозных конфессий в один из сложнейших и драматичных по своему содержанию и значимости для будущих поколений периодов истории нашей страны продолжает быть актуальной и в настоящее время и требует современного научного осмысления.

За достаточно длительный период существования СССР в стране под влиянием господствующей атеистической идеологии было практически утеряно большинство форм социально ориентированного партнерства государства и религиозных организаций (благотворительность, добровольческая бескорыстная деятельность, социальное служение и т. п.), а сама религия как мощный духовный бастион и весомый социальный институт была оттеснена из политической жизни на второй план и (или) находилась под жестким контролем, а в определенные периоды – под запретом.

Курс на перестройку в «новой» России повлек за собой кардинальные изменения в различных общественных сферах, в том числе и в государственно-конфессиональных отноше-

ях, а также в переоценке роли религиозного фактора в политической жизни российского общества постсоветского периода.

Перед «новым» Российским государством в самом начале преобразований 90-х годов XX века в связи с произошедшими всеобъемлющими трансформациями, вызвавшими расслоение населения, также встала задача формирования социальной политики, включавшей возможные направления и формы сотрудничества с традиционными для страны религиозными конфессиями.

Согласно официальным данным в начале эпохи преобразований самой крупной и влиятельной религиозной организацией на территории Российской Федерации была Русская православная церковь. Под ее эгидой начало действовать «Всецерковное православное молодёжное движение». Кроме того, в стране функционировали небольшие по численности старообрядческие объединения и церкви, а также Российская православная свободная церковь (или Русская православная церковь за границей), Истинно-православная церковь Киевского патриархата, группы истинно-православных христиан, иоаннитов.

Протестанты, жившие в России, относились к различным течениям и организациям. В стране существовали также довольно многочисленные объединения католиков. В ряде регионов Российской Федерации проживали последователи буддизма в форме ламаизма.

В обозначенный период времени, а именно в 1990-х годах, на территории России активизировались многочисленные исламские организации. Уже в начале и первой половине 90-х гг. XX века в России наблюдался фиксированный резкий рост числа людей, относящих себя к верующим (табл. 1).

ГОСУДАРСТВО, РЕЛИГИЯ, ЦЕРКОВЬ

Таблица 1 – Сведения о государственной регистрации религиозных организаций в Российской Федерации по состоянию на 1.01.1999 года (извлечения)

Table 1 – Information on state registration of religious organizations in the Russian Federation as of January 1, 1999 (extracts)

Конфессия	Количество религиозных организаций
Русская православная церковь	8897
Русская православная церковь за границей	132
Истинно-православная церковь	106
Российская православная свободная церковь	16
Старообрядцы	206
Римско-католическая церковь	227
Ислам	3072
Буддизм	167
Евангельские христиане-баптисты	766
Совет церквей ЕХБ	43
Адвентисты седьмого дня	348
Лютеране	187

В обозначенный период времени, а именно в 1990-х годах, на территории России активизировались многочисленные исламские организации. Уже в начале и первой половине 90-х гг. XX века в России наблюдался фиксированный резкий рост числа людей, относя-

щих себя к верующим [11, с. 31-41]. Кроме того, возникшая тенденция роста количества религиозных организаций сохранялась в Российской Федерации на протяжении длительного времени, о чем свидетельствуют следующие данные (таб. 2).

Таблица 2 – Динамика роста численности религиозных организаций за 2000–2004 гг.

Table 2 – Dynamics of growth in the number of religious organizations in 2000–2004

Конфессиональная принадлежность религиозной организации	2000	2001	2002	2003	2004
Православные	145	161	166	166	181
Иной конфессиональной принадлежности	34	39	41	41	41

Данные 2000 года показывали, что «к верующим в Бога на тот момент времени относили 43,4 % опрошенных; 28,6 % респондентов заявили о своей безрелигиозной миро-

воззренческой ориентации (неверующие или безразличные к религии); к категории колеблющихся между верой и неверием отнесли себя 23,9 %; верующими в сверхъестествен-

ное признали себя 3,9 %» [11, С. 31–41]. Более половины опрошенных (55,9 %) назвали себя православными; 2,9 % позиционировали себя приверженцами ислама; 1,7 % респондентов причислились к другим конфессиям; о своей внеконфессиональной религиозности заявили 6,6 % [11, С. 31–41].

Из всех религиозных направлений и организаций наиболее реальное участие в выработке основных принципов социально ориентированного партнерства государства и «традиционных» религий были и по-прежнему остаются «политизированные» православие и ислам.

Возникшая в стране ситуация к тому же осложнялась тем, что преодоление социальной напряженности и сочлененных с ней кризисных явлений, а также выработка реально работающей социальной парадигмы, способной на постоянной основе поддерживать политическую стабильность, были связаны с фактом существования в стране определенного советского опыта решения социальных проблем. Последний, в реальности практически исключал участие религии в социально ориентированных мероприятиях и акциях. В этот период без должного внимания оставались многие возможности подобного тесного взаимодействия государственных структур и традиционных для России религиозных организаций: совместная поддержка культурно-просветительских учебных и научных проектов; организация помощи больницам и детским домам, а также семьям погибших и раненых военнослужащих и другим категориям нуждающихся, в том числе через вновь созданные совместные благотворительные фонды.

Наличие же у населения в самом начале эпохи преобразований некоторого запаса прочности, преимущественно финансового и

материального плана, спровоцировало в стране опасную картину, в которой неоправданные конкретными позитивными условиями по решению существующих многочисленных проблем идеалистические ожидания и настроения какое-то время соседствовали с отсутствием новой ресурсной базы развития социальной сферы в условиях российской государственности, совершенно отличной от советского типа. Данные обстоятельства, а также недооценка необходимости первоочередного преодоления кризисных социальных явлений, отсутствие опыта и нежелание предпринимать конкретные действия ответственными за социальную политику людьми и структурами в дальнейшем приводят к усугублению кризисного состояния страны. На данном этапе развития российской государственности можно выделить несколько особенно острых периодов в нарастании национальных и собственно социальных проблем, осмысление масштабности и значимости которых кардинальным образом изменило отношение к необходимости их незамедлительного решения у всех вовлеченных сторон: первый кризис – ноябрь – декабрь 1997 года; второй – самый мощный – приходится на август 1998 года; третий – октябрь 1998 года и четвертый – апрель 1999 года. Но именно августовский кризис и последующие за ним противоречивые «социально-экономические процессы, как таковые, серьезно повлияли на собственно мировоззренческо-религиозные или атеистические воззрения» [8, С. 69–79] различных групп населения, но они проявились, к примеру, в особенностях отношения различных возрастных групп к тем или иным социальным, политическим, экономическим и нравственным реалиям. Именно в это время религия в лице РПЦ «заявила о себе как о важнейшем социальном институте,

взявшем на себя роль консолидирующей силы, осуществляющей заботу о нравственном и духовном состоянии общества» [8, С. 69–79].

Во многом обозначенные нами обстоятельства оказали серьёзное влияние на актуализацию пристального интереса научного сообщества постсоветского периода к обозначенному кругу насущных социальных проблем, который не утихает до настоящего времени. Исследование вопросов, связанных с анализом основных тенденций взаимодействия органов государственной власти различного уровня, прежде всего федерального и регионального, а также органов местного самоуправления с религиозными конфессиями в контексте выработки основ, а затем и успешной реализации государственной социальной политики, стало предметом рассмотрения разноплановых и многоаспектных исследований отечественных ученых и обществоведов постперестроечного периода: А. В. Алексеева, И. В. Астэр, Е. А. Безнощенко, В. Н. Белик, Р. И. Богатырева, Е. В. Воропаева, Б. В. Вовченко, К. В. Воденко, А. А. Высоцкого, А. Ю. Галачинской, Я. В. Григорьевой, О. В. Глацких, К. С. Дёмина, М. В. Ефремовой, А. П. Ештокина, С. О. Елишева, В. А. Зверевой, Д. Ю. Зацепиной, Н. А. Зарубиной, А. Р. Зенкова, С. В. Иванченко, Т. В. Игнатова, А. В. Исаева, М. Ш. Иксанова, Ю. В. Ирхина, И. А. Калачян, М. Ю. Карелиной, А. В. Карпова, Т. А. Кармизовой, В. С. Кохтачева, С. С. Комарова, Е. В. Кривцовой, Д. Л. Лапина, Р. Н. Лункина, Т. Е. Леонтьевой, З. Х. Лепшоковой, Т. П. Лисовской, В. В. Ломакина, Л. В. Макаровой, М. Ю. Мартынова, В. А. Матвиенко, Т. М. Мурзабекова, Н. В. Михайловой, Е. А. Михайловой, Ю. В. Мачневой, А. И. Мирярова, М. М. Мчедловой, А. В. Павловой, А. В. Петрянина, Л. И. Поздняковой, А. В. Прокopenko, Е. Ю. Присакарь, А. В. Ростокинского,

М. Б. Рыбальченко, Т. И. Рудченко, Т. Н. Савиной, О. В. Селезнёва, А. В. Ситникова, Т. В. Склярской, В. О. Скатькова, О. А. Сударгина, М. С. Тимофеева, Л. Б. Томилиной, В. Б. Устиненко, Н. В. Ушаковой, Н. В. Филиной, П. Б. Чуприкова, И. Г. Шаркова, Э. З. Шакировой, П. П. Шикова, О. К. Шиманской, Р. А. Хутыз и многих других.

Проявленный научным сообществом интерес к проблемам организации различных по масштабу совокупности мер по подготовке, модернизации и практической реализации форм оказания помощи социально незащищенным слоям населения совместными усилиями государства и религиозных конфессий в постсоветский период позволил ему выявить ряд острейших проблем, которые возникли в этой сфере с началом в нашей стране эпохи перестройки, а затем и со строительством новой российской государственности. Среди них в первую очередь были выделены рост нищеты, безработица, неудовлетворенность развитием социальной сферы, несвоевременные выплаты заработной платы и пенсий, а также многие другие негативные явления в экономической сфере страны, оказавшие отрицательное воздействие на адекватное развитие образования, здравоохранения, культуры. Всё это, вместе взятое, привело к повышению уровня общего социального напряжения среди всех без исключения слоев населения, ещё более ухудшив нравственно-психологический фон в стране.

В этих сложных условиях в Российском государстве стало наблюдаться повышение роли религии и усиление ее влияния на все сферы государственной и общественной жизни, в том числе социальной помощи, особенно на фоне разворачивания процессов мировоззренческой неопределенности.

Собственная точка зрения на необходи-

мость участия религиозных конфессий в реализации совместных с государством социально ориентированных мероприятий и разнообразных программ была сформирована в индуизме, иудаизме, буддизме, христианстве, исламе и других религиях [7, С. 79–85].

Так, к примеру, сложно оспорить слова епископа Пантелеимона (в миру Аркадия Викторовича Шатова): «...социальная деятельность никогда не была для Церкви самоцелью. ...эта деятельность – выражение сострадания и любви к ближнему. Так и наше служение должно распространяться на всех нуждающихся в помощи» [3, С. 10–15]. А, по словам протоиерея Георгия Феклистова, «...миссионерство – это свидетельство о любви христианина ко Христу, а вследствие этого, и к ближнему» [1, С. 67–70].

Большинство верующих в «новой» России придерживалось «традиционных» для страны исповеданий. Однако длительное жесткое подавление религии и планомерное насаждение атеизма создали ситуацию, когда, во-первых, значительная часть населения стала относить себя к неопределенной категории верующих вообще; во-вторых, многие, относившие себя к тому или иному вероисповеданию, имели слабое представление о сути традиционного учения.

Методологической основой предпринятого исследования является единство содержательной составляющей нескольких взаимосвязанных понятий: «социальная политика», «социальное служение», «социально-политическое партнёрство», «социально ориентированное партнёрство». Именно их непосредственный синергизм в теории создаёт необходимые условия для эффективного сотрудничества на практике всех вовлечённых в него сторон (органы государственной власти и местного самоуправления, биз-

нес, религиозные конфессии и т. п.). Особенно важен в этом контексте их детальный анализ в соотношении друг с другом.

Так, «социальная политика» стала тем понятием, которое является центральным в контексте строящегося взаимодействия государства и религий. В начале эпохи преобразований в самом простом варианте она определялась как массовая политика (включала максимальное количество социальных слоев и групп), касалась устоявшегося образа жизни, предполагала четкое разделение ролей (государство – источник материальных благ, привилегий и льгот; население – иждивенцы, потребители). Позднее она стала интерпретироваться как «...политика, направленная на регуляцию отношений между обществом и личностью посредством управления интересами и через интересы людей» [5, С. 183–187]. Наиболее полной и близкой реалиям нашего времени стала трактовка социальной политики как «...реализации социальной функции государства, направленной на достижение баланса прав, обязанностей, возможностей и гарантий всех участников общественного производства...» [6, С. 199–207].

Понятие «социальное служение» в научной литературе наиболее часто употребляется для характеристики социальной деятельности преимущественно Русской православной церкви. Наиболее популярная трактовка этого понятия определяет его как «...исторически сложившуюся совокупность организационных форм социальной деятельности религиозных организаций, заключающихся в проведении благотворительных, безвозмездных мероприятий в отношении нуждающихся в помощи людей» [10, С. 88–91].

Дефиниция «социально-политическое партнёрство» определяется как «...форма

взаимодействия его участников на взаимовыгодных условиях (с учетом общих интересов)» [4, С. 103–110].

Социально ориентированное партнёрство является наиболее актуальным и всеобъемлющим для нашего времени институциональным понятием, включающим в себя весь комплекс солидарных мер государства и традиционных религиозных конфессий по решению социальных проблем современности.

Безусловно, осознанный интерес к вопросам поэтапного формирования социально ориентированного партнёрства органов государственной власти и религиозных конфессий в эпоху преобразований российской государственности пришелся именно на период, последовавший за августовским кризисом 1998 года, и перманентно, в отдельных её аспектах и проявлениях, продолжается в наши дни.

Социально-ориентированное партнёрство государства и религий в ретроспективе преобразований «новой» России, направленное на решение остро вставших социальных проблем, изначально осуществляется всеми вовлеченными в это взаимодействие акторами (органами государственной власти, религиозными конфессиями и т. п.) совместно, лишь в отдельных случаях самостоятельно или с привлечением сторонних общественных организаций, представителей бизнес-сообществ.

В российских реалиях недалекого времени полноценное и эффективное взаимодействие в социальной сфере в своем развитии прошло сложный путь становления – от разрозненных и даже противоречивых по своей направленности форм оказания помощи нуждающимся до оформленной по всем правилам стратегии социально ориентированного партнёрства, позволяющей оптимизиро-

вать все имеющиеся ресурсы и направить их на социальную поддержку широких слоёв населения.

Перестройка навсегда изменила отношение официальной власти к не единожды высказанному желанию религиозных деятелей, представляющих традиционные для России конфессии, принять посильное участие в решении социальных проблем. Социальное партнёрство в указанном направлении при грамотном подходе к его реализации позволило не только более адресно оказывать психологическую, материальную помощь обездоленным людям, но и совмещать эту деятельность с духовной помощью, к примеру в моральной поддержке военнослужащих или в воспитании подрастающего поколения и т. п.

Одними из первых шагов в налаживании социально ориентированного партнёрства государства и религий стали решения по формализации данного типа сотрудничества, вылившиеся со стороны государства в оптимизацию законодательной базы, а со стороны религиозных организаций – в ее создание. За достаточно короткий промежуток времени в стране был разработан и принят целый ряд законодательных актов о различных аспектах деятельности религиозных организаций, важнейшим из которых стал ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» от 26 сентября 1997 года. Органами государственной власти разного уровня была разработана и стала активно применяться договорная форма координации сотрудничества с религиозными конфессиями в социальной сфере. На федеральном уровне это, к примеру, Договор о сотрудничестве Министерства образования Российской Федерации и Московской Патриархии Русской Православной Церкви от 2 августа 1999 года;

а на региональном – Соглашение Чебоксарско-Чувашской епархии с МВД по Чувашии, заключенное в ноябре 2005 года, Соглашение о сотрудничестве Духовного управления мусульман Татарстана и республиканского УФСКН о совместной работе по профилактике наркомании от 21 марта 2011 года и многие другие.

Традиционные для Российского государства религиозные конфессии в 2000-х гг. также осознали необходимость формального закрепления своих позиций по решению вопросов социальной политики, разработав и приняв собственные концептуальные документы: «Социальная позиция протестантских церквей в России» (2003 г.), «Основы социальной концепции Русской православной церкви» (2001 г.), «Основные положения социальной программы российских мусульман» (2001 г.) и т. п.

Ещё одним направлением, но уже более практического плана стало конструирование институциональных форм социально ориентированного партнерства, предполагающее объединение и координацию действующих на тот момент времени заинтересованных акторов в деле преодоления социальной напряженности. Так, к примеру, на территории Липецкой области в начале 2000-х было зарегистрировано 25 благотворительных фондов, которые на основе сотрудничества с региональной властью, местным самоуправлением и представителями крупного, среднего и мелкого бизнеса вносили свой посильный вклад в дело духовного возрождения общества и помощь больным (физически и духовно) людям преклонного возраста, лицам, освободившимся из мест лишения свободы или находящимся там, детям-сиротам, ветеранам боевых действий, инвалидам и т. д.

Спектр задач межрегиональной благотвори-

тельной еврейской общественной организации «Общинно-благотворительный центр «Нэшер», зарегистрированной на территории Орловской области 16 ноября 2000 года, для осуществления материальной поддержки и реализации социальных программ весьма широк. Центр оказывал помощь разным слоям населения в виде покупки для них продуктов, оплаты медикаментов, сезонной одежды для детей из малообеспеченных семей, экстренной помощи в особых ситуациях. Для этого он сотрудничал с администрациями города и области, различными НКО.

Волонтерское молодёжное православное движение «Богоявленская семья», начавшее свою работу при Богоявленском соборе города Орла не так давно, уже успело организовать ряд успешных социальных проектов и благотворительных акций (поездки для детей-инвалидов по святым местам, подарки для онкобольных детей и т. п.).

Безусловно, не менее важным направлением в контексте складывающегося сотрудничества Российского государства и традиционных для него религий стало взаимодействие по духовно-нравственному просвещению населения. Практически в каждом субъекте Российской Федерации сформировался положительный опыт подобного вида деятельности. К примеру, в Астраханской области АРДУМ («Астраханское региональное духовное управление мусульман») в 2000-х гг. предпринимало значительные усилия «для просвещения, образования, участия в решении социальных проблемам, а также вопросах мира и взаимопонимания в стране» [12, С. 62–64].

В Орловской области успешными примерами реализации направления этого социального взаимодействия стала реализуемая в городе Орле с 2010 года благотворительная

программа «Женское здоровье», в рамках которой регулярно проводились духовно-просветительские встречи, акции «День здоровья» в Шаховской колонии и многое другое.

В целом практически во всех регионах в тот сложный для России период осуществлялась совместная духовно-просветительская работа государства и традиционных религий, нацеленная, прежде всего, на формирование личности человека с высокими моральными и нравственными качествами, обладающей устойчивой системой внутреннего самоконтроля и живущего по законам совести.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Представленная ретроспектива нескольких аспектов социально ориентированного партнерства государства и религий эпохи радикальных преобразований страны позволяет оценить возникшую коммуникацию как достаточно сложившуюся и одновременно эволюционирующую форму сотрудничества активных его участников.

Несомненно, процесс выработки оптимальной модели эффективного взаимодействия в социальной сфере далек от своего логического завершения и по-прежнему имеет нерешенные задачи, среди которых недостаток квалифицированных в социально-религиозных вопросах кадров, рост религиозного экстремизма, активизация связанного с ним терроризма, в конечном итоге влияющих на корректность выстраиваемого диалога, и многие другие. Отмеченные нами в рамках данного исследования моменты, безусловно, санкционируют использование приобретенного опыта, особенно в деле избавления общества от антигуманных тенденций и наметившейся в современном российском обществе разобщенности людей, отчасти имеющей свои истоки в девяностых годах XX века.

Библиография /References:

1. Бондаренко Л.Ф. О главных принципах православного миссионерства и их проявлении в деятельности Алтайской Духовной Миссии // Вестник Томского государственного университета. – 2009. – №324. – С. 67–70.
2. Евкочев Ш. Ислам и модели политического и социально-экономического развития государств мусульманского мира // Центральная Азия и Кавказ. – 2008. – №1(55). – С.170–178.
3. Епископ Пантелеимон (Шатов) Социальное служение как основная форма участия мирян в жизни Церкви // Приход. Православный вестник. – 2010. – №3(93). – С.10–15.
4. Исаев А. В. Социально-политическое партнерство органов государственной власти и Русской Православной Церкви в современной России: проблемы и пути оптимизации // Среднерусский вестник общественных наук. – 2011. – №1(18). – С.103–110.
5. Кривцова Е.В., Мачнева Ю.В. Взаимосвязь благотворительности и государственной социальной политики // Система ценностей современного общества. – 2008. – № 1. – С. 183-187.
6. Лобазова О.Ф. Религия и социальная политика: диалектика взаимосвязи / Социальная политика и социология. – 2015. – Т.14. – №6(113). – С.199-207.
7. Матвиенко В.А. Репрезентация социальной политики в государственном и религиозном дискурсах: опыт политико-правового анализа // Вестник Поволжского института управления. – 2018. – Т.18. – №2. – С.79–85.
8. Махно Л.Л. Социальное служение русской православной церкви: история и современность // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. – 2020. – №4. – С.69-79.

9. Митрополит Иоанн (Снычев). Посох духовный. Выбранные места из трудов Архипастыря. – СПб.: Царское дело, 1998. – 480с.
10. Сипягина Е. А. Социальное служение Русской православной церкви в современной историографии (1988-2008 гг.) // Вестник Костромского государственного университета. – 2019. – Т.25. – № 1. – С.88–91.
11. Стецкевич М.С., Шахнович М.М. Религиозная ситуация в современной России // Вестник Санкт-Петербургского университета. Политология. Международные отношения. – 2006. – №4. – С.30-41.
12. Сызранов А. В. «Мусульманское возрождение» в регионах Поволжья (1991–2008гг.) // Клио. – 2013. – №4(76). – С.62–64.
1. Bondarenko L.F. (2009) O glavnyh principah pravoslavnogo missionerstva i ih proyavlenii v deyatel'nosti Altajskoj Duhovnoj Missii [On the main principles of Orthodox missionary work and their manifestation in the activities of the Altai Spiritual Mission] // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. – №324. – S.67–70. (In Russ.).
2. Evkachev Sh. (2008) Islam i modeli politicheskogo i social'no-ekonomicheskogo razvitiya gosudarstv musul'manskogo mira [Islam and models of political and socio-economic development of the Muslim world States] // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. – №1(55). – S.170–178. (In Russ.).
3. Bishop Panteleimon (Shatov) (2010) Social'noe sluzhenie kak osnovnaya forma uchastiya miryan v zhizni Cerkvi [Social service as the main form of lay participation in the life of the Church] // Prihod. Pravoslavnyj vestnik. – №3(93). – S.10–15. (In Russ.).
4. Isaev A.V. (2011) Social'no-politicheskoe partnerstvo organov gosudarstvennoj vlasti i Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi v sovremennoj Rossii: problemy i puti optimizacii [Socio-political partnership of state authorities and the Russian Orthodox Church in modern Russia: problems and ways of optimization] // Srednerusskij vestnik obshchestvennyh nauk. – №1(18). – S.103–110. (In Russ.).
5. Krivtsova E.V., Machneva Yu.V. (2008) Vzaimosvyaz' blagotvoritel'nosti i gosudarstvennoj social'noj politiki [Interrelation of charity and state social policy] // Sistema cennostej sovremennogo obshchestva. – №1. – S.183–187. (In Russ.).
6. Lobazova, O. F. (2015) Religiya i social'naya politika: dialektika vzaimosvyazi [Religion and social policy: dialectics of interrelation] // Social'naya politika i sociologiya. – Т.14. – №6(113). – S.199-207. (In Russ.).
7. Matvienko V.A. (2018) Rerezentaciya social'noj politiki v gosudarstvennom i religioznom diskursah: opyt politiko-pravovogo analiza [Representation of social policy in state and religious discourses: experience of political and legal analysis] // Vestnik Povolzh-skogo instituta upravleniya. – Vol.18, – №2. – S.79–85. (In Russ.).
8. Makhno L.L. (2020) Social'noe sluzhenie russkoj pravoslavnoj cerkvi: istoriya i sovremenost' [Social service of the Russian Orthodox Church: history and modernity] // Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitar-nye nauki. – №4. – S.69–79. (In Russ.).
9. Metropolitan John (Snychev) (1998) Posoh duhovnyj. Vybrannye mesta iz trudov Arhipastyrya [The staff is spiritual. Selected places from the writings of the Archpastor]. – St. Petersburg: Tsarskoe delo. – 480s. (In Russ.).
10. Sipyagina E.A. (2019) Social'noe sluzhenie Russkoj pravoslavnoj cerkvi v sovremennoj istoriografii (1988-2008gg.) [Social

service of the Russian Orthodox Church in contemporary historiography (1988-2008)] // Vestnik Kostromskogo gosudarstven-nogo universiteta. – Vol.25. – №1. – S.88–91. (In Russ.).

11. Stetskevich M.S., Shakhnovich M.M. (2006) Religioznaya situatsiya v sovremennoj Rossii [The religious situation in modern Russia] // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Politologiya. Mezhduna-rodnye otnosheniya. – №4. – S.30–41. (In Russ.).

12. Syzranov A.V. (2013) «Musul'manskoe vozrozhdenie» v regionah Povolzh'ya (1991-2008gg.) ["Muslim revival" in the Volga region regions (1991-2008)] // Klio. – №4(76). – S.62–64. (In Russ.).